

Л. Зонина

Искания французской интеллигенции

(О романе Симоны де Бовуар «Мандарины»)

I

«Мандарины» — так называется новый роман Симоны де Бовуар, получивший Гонкуровскую премию за 1954 год. Уже в самом названии этой книги определена ее тема. Словом «мандарины» во Франции называют аристократию духа, верхи гуманитарной интеллигенции, законодательствующие в области идей. Но в это определение, как и в исходное значение слова «мандарин», — входит также понятие кастовой замкнутости.

«Мандарины» — роман об интеллигентах, осознавших свой разрыв с буржуазией, но оторванных от народа, от его жизни, от его борьбы. Они чувствуют, что мир должен быть переустроен, что сделает это пролетариат и что пути пролетариата неразрывно связаны с коммунистической партией. Они мечтают о новом, справедливом мире. И в то же время деятельность партии коммунистов воспринимается ими, как посягательство на индивидуальную свободу.

Каково же место интеллигенции в общественной борьбе, какова должна быть ее позиция в сегодняшней Франции?

Можно ли сохранить индивидуальную свободу, подчинившись партийной дисциплине, можно ли добиться положительного общественного результата, не связывая себя партийными установками? Как отстаивать «вечную» правду и «вечную» справедливость в той жестокой классовой борьбе, участниками которой не могут не быть интеллигенты? Все эти проблемы волнуют героев романа Симоны де Бовуар, и именно с решением этих проблем связаны конфликты, лежащие в основе сюжета романа.

«Мандарины» — роман о писателях.

Поскольку писатель творит — он заявляет о своей идейной позиции, даже если тщательно избегает при этом ее формулировать. Поэтому роман о писателях закономерно вылился в роман об идейных исканиях. И в данном случае чем более он психологичен, чем сильнее затрагивает существо внутренней жизни героев, тем острее политически.

Действие романа начинается в канун

1945 года. У Анри Перрона, талантливого писателя и руководителя одной из групп Сопротивления, собираются его товарищи — сотрудники созданной им в подполье газеты «Эспуар». Здесь ближайший друг Анри — маститый писатель Робер Дюбрей, его жена психиатр Анна и их восемнадцатилетняя дочь Надни, здесь молодые журналисты Ламбер, Сезенак, Венсен, Лашом.

Первый свободный новый год! Перрон мечтает о путешествиях, о том, как, «бескорыстно развлекаясь откровенностью», он напишет роман про беззаботных и счастливых людей. Франция освобождена. Он выполнил свой долг. Он вправе больше не заниматься политикой. Однако Дюбрей, добивающийся создания «левой группировки» — названной в романе СРЛ, — требует, чтобы Анри вошел в нее и превратил «Эспуар» в орган этой группировки, так как только газета может привлечь массы и сделать СРЛ реальной силой.

Так сразу же ставится под сомнение осуществимость мечты о «свободе»: Анри — писатель, его долг служить человечеству; его планы сохранить «независимую» газету без политической программы наивны — борьба продолжается, и он должен определить свою позицию.

Все, что в дальнейшем происходит с героями романа, подтверждает: нельзя жить в обществе и быть от него свободным.

Перрон едет в Португалию. Синее небо, соленый ветер с моря, светлые дома и белые громады кораблей, — как хочется ему наслаждаться этим... Но куда уйти от грязных лачуг, от лохмотьев, от голодных глаз босоногих детей и мертвого, скорбно-го взгляда женщины... Что ответить тем, кто продолжает бороться с диктатурой Салазара, несмотря на террор, — людям, которые ждут от французского писателя помощи в борьбе против фашизма? Нет, Анри не может быть счастливым и безмятежным туристом в стране, где из семи миллионов жителей только семьдесят тысяч едят досыта. Пытаясь помочь португальским демократам, Анри убеждается, что и Франция, изгнавшая немецких оккупантов, не так уж свободна.

Значит, его долг — действовать: поддерживать дух Сопротивления, сохранять единство Сопротивления, — ту силу, которая спасла Францию от нацизма. И Перрон примыкает к СРЛ.

Кульминационным пунктом романа является разрыв Дюбрея и Перрона из-за опубликования последним в его газете статьи о «принудительном труде» в Советском Союзе.

«Материалы» для этой статьи Перрону приносит некто Скрясин — авантюрист, политический пройдомец, человек без родины. Ни у автора «Мандаринов», ни у его героев нет никаких иллюзий в отношении Скрясина: за псевдореволюционными фразами ясна ненависть Скрясина к Советскому Союзу, ненависть ренегата. Он требует от Перрона решительного разрыва с коммунистами, «разоблачения» Советского Союза. (К сожалению, автор, подробно воспроизводя антисоветскую «аргументацию» Скрясина, не предоставляет слова никому, кто мог бы ее опровергнуть.)

Дюбрей выступает против опубликования «материалов» Скрясина. Робер Дюбрей — социалист. Он мечтает о единой социалистической Европе, о торжестве свободы, справедливости, гуманизма. Эти ценности он отстаивает в своих произведениях. «Мы всегда думали, — говорит он, — что пишем не для того только, чтобы писать... Главное для меня — революция». Насилие ему претит, хотя он и сознает, что революция без насилия невозможна. Непоследовательность Дюбрея сказывается и в том, что, понимая необходимость единства сил демократии, понимая, как опасно ослабление коммунистической партии, он создает СРЛ и ставит перед своей группировкой задачу «направлять недовольство», которое пролетариат, по его мнению, испытывает по отношению к компартии, чтобы таким образом воздействовать на ее политику. Однако Дюбрей считает, что выступление печатного органа СРЛ по вопросу о принудительном труде в Советском Союзе, какими бы оговорками ни сопровождал его Перрон, было бы воспринято как «обвинение против советского режима». Такое выступление было бы предательством по отношению к коммунистам, дало бы козырь в руки реакции. Наконец, Дюбрей требует, чтобы вопрос об опубликовании «материалов» был поставлен перед комитетом СРЛ. Перрон отказывается: в комитете слово Дюбрея — решающее, а ему он сейчас не верит. Скрясин в провокационных целях сказал Анри, будто Дюбрей тайно вступил в коммунистическую партию и теперь проводит по ее заданию определенную политическую линию среди левых интеллигентов.

С документальной скрупулезностью Симона де Бовуар передает борьбу противоречий в душе Анри.

Перрон ненавидит буржуазно и хотел бы защищать интересы пролетариата. Скрясину он не доверяет, зная, что ненависть к СССР заставляет того извра-

щать факты, атаковать самыми нечестными путями Советский Союз и социализм вообще. Как и Дюбрей, Перрон сознает, что Советский Союз — единственная надежда угнетенного человечества, «единственный шанс тысяч миллионов людей, низведенных до степени животных, коснеющих от голода в Китае и Индии, единственный шанс миллионов рабочих, принужденных жить в нечеловеческих условиях, наш единственный шанс». Подорвать эту надежду — значит сыграть на руку врагам народа, тем, кто строит свою политику на угнетении и порабощении. Но лозунг газеты Перрона — «откровенность и политическая беспристрастность». Перрон хочет отстаивать истину, справедливость. Он хочет рассказать всем о том, что прочитал в «документах» Скрясина. А в то же время он сознает, что не может судить об их достоверности, так как ему не хватает знаний о Советском Союзе.

Перед лицом всех этих, как кажется Перрону, неразрешимых противоречий его охватывает отчаяние: «Раз уж я не могу примкнуть к коммунизму, было бы облегчением решительно его возненавидеть. Если бы только можно было быть окончательно за или окончательно против! Но чтобы быть против, нужно предложить людям что-то другое...» Он заключает: «Быть может, зло царит повсюду...» А если так, «что ни делай, что ни говори — все это не имеет никакого значения».

Анри все-таки пишет статью. И, разумеется, несмотря на его оговорки, что он остается другом СССР, эта статья, как и предвидел Дюбрей, развязывает неистовую антисоветскую кампанию. Перрона исключают из СРЛ, который, лишившись своего печатного органа, фактически перестает существовать. Члены СРЛ частично примыкают к коммунистической партии, частично отходят вправо. Дюбрей отдаляется от политики. Он считает, что любой его поступок, идущий вразрез с линией коммунистов, будет им вредить, а этого он при создавшихся условиях допустить не может.

Анри Перрон остается один. От него отрекаются те, кого он уважал. Ему шлет поздравления коллаборационист Луи Вольланж, создатель философии «слияния со злом», с воздействием которого на молодежь Перрон еще недавно намеревался бороться. Но из того, что объективный смысл его поступка оказывается прямо противоположным его намерениям, Анри не делает вывода, что его поведение было неправильным. Нет, он приходит к заключению о бессмысленности действия вообще, о невозможности совместить действия по внутреннему побуждению и положительный общественный результат.

В состоянии глубокого душевного кризиса он попирает то, что оставалось для него святыней — братство Сопротивления. Чтобы избавиться от разоблачения свою любовницу — бывшую во время оккупации любовницей немецкого офицера, — Анри лжесвидетельствует, утверждая, будто не-

кий Мерсье, провокатор, агент гестапо, был одним из его товарищей по подпольной организации. Он делает это сам, собственно, не зная, ради чего, просто ему уже все безразлично, он в том состоянии, когда в жизни не осталось ничего ценного, ничего святого, и кажется — чем хуже, тем лучше.

Одно из основных обвинений, выдвигаемых против коммунистов защитниками буржуазного индивидуализма, состоит в том, будто во имя идеи они пренебрегают человеком, будто они приносят личность в жертву делу. Анри предает то, что было до сих пор самым главным, самым дорогим в его жизни, — Соппротивление; он выбивает почву из-под ног у тех, кто были его товарищами по борьбе, и все это даже не во имя какой-то цели. Этот поступок крайне циничен. Но Симона де Бовуар ищет ему оправдание. Устами Дюбрея, примиряющегося с Анри как раз в момент его глубочайшего падения, она утверждает: «Нельзя жить справедливо в несправедливом обществе», — отрицая тем самым всякие нормы морали.

Отсутствие четких этических норм, отказ от нравственных критериев в оценке поведения героев, — все это тесно связано с мировоззрением автора, с философской системой экзистенциализма. «Я полностью солидарна с моими героями», — писала Симона де Бовуар, не делая никакой разницы между Робером Дюбреем и Анри Перроном. И действительно, рассказывая о их конфликте, писательница передает события и мысли своих героев, не решая спора между ними. В этом проявляются как эстетические, так и философские взгляды писательницы, тот абстрактный критерий «искренности», «индивидуальной свободы», который служит для нее мерилом человека. Однако общественный опыт показал, что, «искренне» желая служить народу, но не понимая исторических закономерностей, можно стать орудием в руках врагов народа и нанести ему жестокий вред.

Оба основных для Симоны де Бовуар героя оказываются в тупике.

Робер Дюбрей, всю жизнь отстаивавший в своих произведениях мысль о большой общественной роли литературы, интеллигенции, приходит к выводу, что «интеллигенция не играет никакой роли». Он решает больше не писать, не заниматься общественной деятельностью: «Лучшее, что нам остается сделать, — заставить, чтобы нас забыли... сегодня революция в руках коммунистов, и только в их руках; ценности, которые мы защищали, больше не представляют для нее значения... если мы будем их упрямо отстаивать сейчас, мы окажем услугу контрреволюции». Впрочем, и это весьма характерно для героев Симоны де Бовуар, Дюбрей тут же, опровергая самого себя, заявляет, что не может примкнуть к коммунистам не только потому, что нельзя «вылезти из своей шкуры», но и потому, что коммунисты также бессильны что-либо изменить.

Что же отличает книгу Симоны де Бовуар от прежних романов экзистенциалистской школы? Думается, прежде всего то, что она не оставляет своих героев перед лицом фатального поражения, обреченности, невозможности найти путь к полезному действию. Дюбрей не остается пассивным наблюдателем — тревога за судьбы мира заставляет писателя вернуться к литературной и общественной деятельности. Вместе с коммунистами — противоречия с которыми кажутся ему незначительными рядом с растущей опасностью новой войны — он участвует в митингах в защиту мира, мечтает об организации газеты, вокруг которой можно было бы объединить всех патристов.

Знаменательно, что впервые оптимистическая нота звучит в романе, когда Дюбрей рассказывает об одном из митингов в защиту мира: «Нанси мрачный город, и все же у меня хорошие воспоминания об этом вечере... Не знаю, как объяснить вам. После митинга мы пошли в бистро закусить, выпить пива; там не было ничего достопримечательного, и я едва был знаком с людьми, которые были со мной; мы почти не разговаривали. Но мы что-то сделали вместе, что-то, чем были довольны: это было хорошо». Не случайно это радостное чувство связывается у героев романа с воспоминаниями о Соппротивлении, — счастье возможно для «мандаринов» только тогда, когда от умозрительных построений они переходят к борьбе за благо народа, вместе с народом.

Участие Перрона в начатой коммунистами кампании в защиту мальгашей, против террора французских властей по отношению к руководителям национально-освободительной борьбы, заставляет его вновь почувствовать вкус к общественной деятельности, к публицистике. Нельзя заниматься «чистой литературой», и если есть счастье, то оно не в бегстве от мира и его противоречий, не в бездействии.

Роман Симоны де Бовуар мрачен, но не беспросветен. Ее герои проходят через тяжкие испытания, страдают, отчаиваются, опускают руки, но все же в результате долгих и трудных блужданий находят тропинку, которая должна вывести их на широкую дорогу. И хотя большая часть романа посвящена заблуждениям и ошибкам героев, их трудностям и разочарованиям, эта оптимистическая нота, звучащая в финале книги, слишком симптоматична и значительна, чтобы можно было пренебречь ею при анализе.

Нельзя поэтому согласиться с Робертом Кемпом, который в «Нувель литерер» пишет о «Мандаринах» Симоны де Бовуар: «Ее книга пропитана духом отречения, почти опустошенности... это пессимистическая книга, где все персонажи терпят неудачу. И, без сомнения, будучи экзистенциалистской и принадлежа к «черному лагерю» экзистенциализма, мадам де Бовуар была а priori пессимисткой. Сейчас она

остаётся ею, насколько я могу видеть, и а posteriori».

В стремлении свести идею романа к положению о неизбежном поражении человека, к «уроку банкротства», как пишет Андре Берри в «Комба», заложен определенный политический смысл. Буржуазная критика старается не заметить, что в «Мандаринах» изображено крушение не «человека вообще», а определенных политических иллюзий. При всей философской непоследовательности автора основной политический вывод романа ясен: для прогрессивной интеллигенции не может быть иного пути, чем борьба вместе с народом за мир и демократию.

II

Роман Симоны де Бовуар написан о тех французских интеллигентах, кто участвовал в Сопротивлении, но после освобождения, в новых исторических условиях, трудно и мучительно ищет свое место в борьбе за свободу и демократию.

Эпопея Сопротивления сплотила все лучшие силы французской нации. Она была школой мужества и солидарности. Великий подвиг народа, в котором приняли участие все люди доброй воли, ясность и благородство целей — все это приподымало участников борьбы, формировало их характеры, рождало жизнеутверждающее оптимистическое искусство. Сопротивление преобразило поэзию Элюара, создало писателя Веркора, определило общественную деятельность Фаржа, оно надолго стало главной темой творчества для многих писателей. Тема Сопротивления вошла во французскую литературу как тема формирования характера, подъема душевных сил, братства и единения.

Десятилетие, прошедшее со времени освобождения Франции от гитлеровской оккупации и до подписания французским правительством парижских соглашений, возвращающих германским реваншистам оружие, было периодом напряженных исканий для многих французов. Часть интеллигенции, идейно далекая от коммунистической партии, пыталась найти свой путь. Этот путь искали долго и мучительно. Для одних поиски были демагогией, для других — честными горькими блужданиями. Но каковы бы ни были субъективные намерения тех, кто выступал против коммунистической партии или СССР, их действия причинили огромный вред прогрессивному лагерю.

События последних лет памятны всем, нет нужды говорить о них здесь. Одних убедило мужество Анри Мартена, других заставило прозреть пламя напалма в городах Кореи. Но с каждым днем все большее число французов ощущало потребность в единстве, осознавало необходимость совместной с коммунистами борьбы за мир, национальный суверенитет, демократические свободы.

Показательна эволюция такого крупного писателя, как Сартр.

Жан-Поль Сартр, в 1948 году пытавшийся создать «революционно-демократическое объединение» и противопоставить его Коммунистической партии Франции, а в 1949 году — созвать свой «Контрконгресс в защиту мира», в 1952 году публикует в журнале «Тан модерн» статью «Коммунисты и мир», где разоблачает миф о том, что «Москва хочет войны», что «коммунисты — агентура Москвы». «Советский Союз хочет мира и ежедневно это подтверждает», — пишет он. К этому же времени относится разрыв Сартра с Альбером Камю, с которым его соединяли годы личной дружбы и общности взглядов. Изданная Камю книга «Взбунтовавшийся человек», в которой он, по его собственным словам, хотел исследовать «идеологический аспект революции», «найти в ряде революционных событий логическую последовательность, иллюстрации и постоянные темы метафизического бунта», подверглась резкой критике в журнале Сартра. Отвечая на письмо Камю, направленное ему как руководителю журнала, Сартр показал, что позиция Камю, его бесплодное и абстрактное бунтарство объективно наносят вред борьбе народа за «опрокидывание решеток». Чтобы воздействовать на народ, оказывать на него влияние, нужно прежде всего участвовать в его борьбе: «сегодня наша свобода не может быть не чем иным, как свободным выбором борьбы за освобождение». Подлинное понимание истории приходит только в историческом действии.

Эти теоретические положения, высказанные Сартром, связаны и с изменением его общественной позиции. Он принимает участие в Венском конгрессе народов и, вернувшись с него, отстаивает идею объединения всех сил в борьбе за мир. Это не значит, разумеется, что сняты идеологические и политические противоречия между интеллигенцией, группирующейся вокруг руководимого Сартром журнала «Тан модерн» и коммунистической партии: «...мы в такой же мере не собираемся вступать в коммунистическую партию, — писал Сартр недавно, — как вы принимать нас в нее». Но это значит, что выдвинутая коммунистической партией программа действительно отвечает национальным интересам и что вокруг нее могут объединиться широкие круги французских патриотов, придерживающихся общих взглядов по вопросам борьбы за мир и национальную независимость, несмотря на политические и идейные разногласия по другим вопросам.

К борьбе за мир пришли такие разные по своим политическим убеждениям и эстетическим концепциям писатели, как Жюльен Бенда и Веркор, Эммануэль д'Астье и Робер Мерль, Пьер Гаскар и Доменак. И в этой защите величайших человеческих ценностей — жизни, культуры, права на свободное развитие — интеллигенция обретает те положительные ценности, то моральное удовлетворение, которого нельзя достичь умозрительным путем, оставаясь изолированной кастой.

Роман Симона де Бовуар — первая попытка художественного осмысления эволюции во взглядах определенного круга интеллигенции. И хотя «Мандарины» написаны с идейно далеких нам позиций, хотя мы сталкиваемся в книге подчас с ложными схемами, с политическими предрассудками, мешающими реалистическому изображению жизни, все же «Мандарины» дают нам возможность понять психологию интеллигентов, полагающих, будто они «революционнее» и «свободнее» коммунистов, и на тяжелых, трагических для них уроках убеждающихся, что их путь одиночек бесплоден и губителен, что можно либо быть вместе с народом, а значит, с его передовыми людьми, либо идти против этих людей и, следовательно, играть на руку врагам своего народа.

Пожалуй, каждый из героев как бы представляет в романе определенное политическое направление — от крайних правых до коммунистов, и отношения между персонажами, какими бы личными мотивами они не обуславливались, воспринимаются читателем как отношения определенных политических групп.

Необходимо сразу сказать, что автор без малейшего снисхождения и пристрастия относится как к тем, кто за левой фразой скрывает ненависть ренегатов к социализму, так и к тем, для кого лишь та политическая платформа хороша и достойна поддержки, которая в данный момент может послужить трамплином для личного успеха.

Основные герои романа — при всей разнице темперамента, зрелости и оттенков политических убеждений — едины в одном: им хотелось бы настоящего дела.

В центре романа проблема отношений интеллигенции к коммунизму — к Коммунистической партии Франции, к Советскому Союзу. Ни герои романа, ни автор не сомневаются в том, что именно коммунисты играют сегодня решающую историческую роль, — роль прогрессивную, революционную. Однако для художника мало такого абстрактного признания. Симона де Бовуар слишком далека от коммунистов, чтобы суметь проникнуть в их душевный мир и создать объективный, живой образ.

Формулируя в статье «Литература и метафизика» свои требования к романисту, Симона де Бовуар настаивает на том, что перед читателем должна быть «живая жизнь во всей ее сложности, неповторимом богатстве и своеобразии, выходящих за рамки субъективной интерпретации». Читатель, которого отпугивает законченность философского вывода, к роману относится, как к куску жизни, «он взволнован, он одобряет, возмущается всем своим существом, до того как сформулирует свое суждение...»

Действительно, Симона де Бовуар не выступает нигде в романе с авторскими оценками поступков или душевных движений героев. Она ведет повествование то в третьем лице, но с позиций Анри Перрона,

то от лица Анны Дюбрей. Описания — их в «Мандаринах» немного — передают впечатления Перрона и Анны, окрашены их настроением, их отношением к людям и событиям. Внутренние монологи Анри, размышления Анны, диалоги — эта форма в романе преобладает — отражают все нюансы мысли, ход рассуждений, обоснования поступков. Симона де Бовуар не боится длиннот: внутренний мир героев должен открыться читателю во всей его сложности и противоречивости. Она как бы приглашает читателя вместе с персонажами романа взвесить все за и против и если и не согласиться с их решением, то, во всяком случае, понять его мотивы.

Но представители коммунистической партии даны в книге на втором плане, мельком, через восприятие их поступков Перроном. Им почти не предоставлено право высказывать свои убеждения, свои оценки и мотивы. Так, создается впечатление, будто у коммунистов и нет личного мнения, будто они действуют лишь по приказу.

Это нельзя объяснить только тем, что Симона де Бовуар, как она сама говорила в интервью, данном газете «Юманите-Диманш», не ставила перед собой задачу изображать коммунистов: ей хотелось показать, как сложно положение определенной группы интеллигентов, между прочим и в силу враждебности к ним некоторых коммунистов. Далекая от коммунистов, плохо знающая эту среду, Симона де Бовуар в обрисовке их образов не столько раскрывала человеческие характеры и душевный мир, как повторяла избитую схему «коммуниста», в которую входит определенный набор характеристик: готовность выполнить любой приказ, отсутствие собственных мыслей, сектанство и т. д. Таким образом, подводя читателя к выводу о необходимости политического сотрудничества с коммунистической партией во имя мира и защиты демократических свобод, Симона де Бовуар не создает образов людей, которые высказали бы более ясные идеи, чем идеи ее героев. И тем самым «Мандарины» оказываются не картиной взаимоотношений интеллигенции различных взглядов, а картиной отношений «левой» интеллигенции к коммунистам, данным не реалистически, а схематично.

Вместе с тем, если сравнить «Мандарины» с романами экзистенциалистской школы предшествующих лет, например с «Чумой» Альбера Камю или «Дорогами свободы» Сартра, то надо оценить его как значительный шаг к реалистическому изображению действительности, и прежде всего нужно отметить общественное звучание поставленной в нем проблемы.

Значительные круги прогрессивно настроенной западноевропейской интеллигенции прочли этот роман, как роман о себе, узнали в нем свои волнения, может быть, свои ошибки. При этом, в той мере, в какой Симона де Бовуар воссоздает психологию своих героев, немало расширяет и

углубляет наше понимание того поворота в их политическом поведении, который подчас толкуется слишком упрощенно.

Действие романа Симоны де Бовуар заканчивается 1949 годом. Показанные в нем тенденции общественной эволюции определенных кругов интеллигенции после 1949 года окрепли и захватили более широкие слои. В 1954 году о событиях, рассказанных в книге, о сотрудничестве с коммунистами, о широком фронте борьбы за мир и демократию можно было говорить, как об исторически определенном этапе развития Франции.

Симону де Бовуар упрекали в том, что она несколько сдвинула события, сгустила, сконцентрировала их. Однако то, что не дозволено историку, часто необходимо художнику. Оборвав действие в момент становления нового и показав тенденцию, направление развития, она создала плотно, по которому можно изучать нравы и мироощущение среды, можно предвидеть ее будущее, — все это дает право назвать роман Симоны де Бовуар не только психологическим, но и в значительной его части историческим.

III

Не случайно, назвав роман Симоны де Бовуар психологическим, мы остановились так подробно на интеллектуальной жизни его героев, не касаясь области чувств.

В «Мандаринах» детально описан повседневный быт Перрона: работа в редакции, кафе, ночные кабаки, репетиции, отношения с женщинами. Однако вряд ли тут можно говорить о чувствах. Эти отношения, в конце концов, занимают бесконечно мало места в жизни Анри. Они случайны, необязательны. Они ничего не дают ему, в лучшем случае, не мешают думать, работать, искать.

Миру чувств отдана другая часть книги, написанная от лица жены Робера Дюбрея — Анны. Анна — психиатр, она лечит методом психоанализа. И с той же доскональностью, с какой она выпрашивает своих больных, стремясь выявить их «комплексы», она рассматривает свои чувства и ощущения, перипетии случайной связи со Скрясиным и неудавшейся любви к американскому писателю Льюису Бругану.

В самом построении романа подчеркивается полная противоположность двух разных отношений к человеческому существованию: личная жизнь Перрона и Робера Дюбрея заключается прежде всего в общественной деятельности, самое представление о счастье человека связано для них с борьбой за счастье человечества; для Анны Дюбрей определяющим является то вечное, что свойственно человеческому существу, то, что ограничивает и завершает его индивидуальное существование — смерть. Для нее пустота человеческой жизни, предшествующей небытию, может быть заполнена только чувством. С этим экзистенциалистским представлением Симоны де

Бовуар о сущности и смысле бытия связано и обилие эротических сцен в романе, и зачастую отвращающая читателя натуралистическая грубость.

Чередованием двух планов повествования Симона де Бовуар подчеркивает, что человек существует одновременно в глазах других и в собственном сознании, что эти два образа не совпадают: Анна для других — холодная, рассудочная деловая женщина, жена Дюбрея; Анна для себя — страдающая и беспокойная натура, тщетно пытающаяся обрести смысл своего существования. На какое-то мгновение этот смысл найден — в любви к Льюису, которая поглощает ее всю. Но это мгновение преходит, и оказывается, что Анна не в силах совершить свой выбор: отказаться ради этого чувства от всего, чем она жила до сих пор, — от мужа, дочери, родины, профессии... А перестав полностью принадлежать своему чувству, она теряет Льюиса.

Эта часть романа, занимающая по объему почти такое же место, как история общественных поисков Перрона, значительно менее интересна. Если там нас увлекает самое движение мысли, — увлекает прежде всего потому, что в нем чувствуется умение передать исторически значительные идейные искания, — то чувство Анны оставляет нас равнодушным. История любви тогда интересна, когда это история характера, здесь же нет ни характера Анны, ни характера Льюиса, и описанные со скрупулезной обстоятельностью перипетии их отношений не вызывают в душе читателя ответных эмоций.

Самый удачный образ романа — единственный, пожалуй, в котором не проглядывает философская конструкция, — это дочь Робера и Анны — Надин.

Отрочество Надин прошло в годы оккупации. От рук нацистов погиб Диего — талантливый молодой поэт, первая любовь Надин. Несправедливость — вот первое «взрослое» ее впечатление от жизни. Когда кончается война, в восемнадцатилетней Надин сочетаются угловатость и непосредственность подростка с цинизмом женщины, сменившей немало любовников. Надин ищет лишь возможности заполнить пустоту своего существования. Она изучает химию и пробует себя в журналистике, дружит с коммунистами и внимательно следит за деятельностью своего отца. Наконец, она женит на себе Анри Перрона и как будто успокаивается, став образцовой матерью, но это лишь мгновенная остановка.

Многие черты Надин отталкивают читателя. Но в ней подкупают неуспокоенность, горячая жажда жизни, непосредственность, странно сочетающаяся со свойственной «мандаринам» рефлексией. По своей аморальности, по отсутствию твердых взглядов, по неверию ко всему Надин — представитель нового, послевоенного, «потерянного поколения». О ней нельзя с убежденностью сказать, что она найдет

свой путь. Но все-таки веришь, что Надин не устанет его искать, не опустит руки.

Ровесница Надин Дюбрей — Ивиш Сергина, героиня романа Сартра, написанного десять лет тому назад, — боялась окружающего мира, уходила в себя, как улитка в раковину, и даже лицо старалась скрыть от окружающих, изменив его прической. Надин, как ни горько было начало ее сознательной жизни, не пытается скрыться, сбегать, замкнуться в себе. И в этом, — а также в решении Анны остаться жить после мучительного разрыва с Льюисом, как и в возвращении Анри и Дюбрея к общественной деятельности, — то новое, что заставляет говорить о «Мандаринах», как о значительном и симптоматичном событии в послевоенной французской литературе.

* * *

«Чем шире социальный опыт литератора, — писал А. М. Горький, — тем выше его точка зрения, тем более широк его интеллектуальный кругозор, тем виднее ему, что с чем соприкасается на земле и каковы взаимодействия этих сближений, соприкосновений». Годы Сопротивления, борьбы вместе с народом, за свободу народа значительно расширили социальный опыт многих французских писателей. Туманное народолюбие интеллигентов уступило место подлинному пониманию интересов народа. В творчество значительной части писателей проникли живые проблемы, волнующие

широкий круг читателей. Тема Сопротивления до сих пор не сходит со страниц французских книг, и это время трактуется, как время формирования, становления, расцвета духовных сил личности.

Последующие годы ознаменовались для многих жестоким разочарованием: Франция, победившая немецкий фашизм, оказалась в тяжелом положении. Это породило настроения бессилия, упадка, пассивности, наложившие свой отпечаток и на творчество ряда писателей.

События последних лет заставили многих французских писателей, в том числе и значительных писателей Франции, осознать необходимость объединения сил в борьбе за мир и подлинные человеческие ценности. Начав с поступков гражданских, с участия в конгрессах и политических декларациях, эти писатели и в своем творчестве приходят к осмыслению нового общественного опыта.

«Мандарины» — одно из первых послевоенных произведений, отражающих существенный сдвиг в сознании интеллигенции. Чем активнее и последовательнее «мандарины» — художники слова и их герои — будут принимать участие в общенародной борьбе «за опрокидывание решеток», тем реалистичнее станет их взгляд на мир, правильнее представление об исторических процессах, участниками (а не свидетелями) которых они являются, тем большие успехи ждут их на пути изображения живой, полнокровной, сложной и, тем не менее, поддающейся осмыслению и изменению действительности.

